

С. С. УВАРОВ И «УЧЕНОЕ СОСЛОВИЕ» ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1810-х – НАЧАЛЕ 1820-х ГОДОВ

Аннотация. Служба С. С. Уварова в должности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в 1811–1821 годах до сих пор не привлекала серьезного внимания исследователей. Однако именно этот период государственной деятельности Уварова был определяющим для формирования его общественно-политических взглядов и набора методов администрирования, соответствовавшего образу «просвещенного бюрократа». В статье на материалах ведомственного и университетского делопроизводства, в частности журналов Конференции Санкт-Петербургского университета и его предшественников – Педагогического и Главного педагогического институтов, исследовано одно из направлений деятельности Уварова – взаимодействие с профессорско-преподавательской корпорацией столичного университета. Установлено, что Уваров в соответствии со своими прямыми обязанностями попечителя осуществлял постоянную коммуникацию с «ученым сословием». Его взаимоотношения с профессурой выстраивались в рамках формального поля и охватывали разнообразные вопросы: постановку учебного процесса в институте / университете, прием и распределение студентов, замещение кафедр, доведение указов императора или Сената. Уваров твердо стоял на стороне академических привилегий, дарованных уставами 1804 года, его стиль общения с профессурой отличался взаимоуважением и конструктивностью, в то время как «ученое сословие» пользовалось академической автономией: инициировало собственные проекты преобразований и даже подвергало критике предложения попечителя. Взаимодействуя с академическим сообществом в целом, Уваров также оказывал персональную поддержку отдельным профессорам. Усилия Уварова по налаживанию атмосферы сотрудничества на благо развития науки стали залогом устойчивого развития университета, несмотря на кризис в управлении просвещением, проявившийся в конце 1810-х – начале 1820-х годов.

Ключевые слова: С. С. Уваров, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, Санкт-Петербургский университет, профессорско-преподавательская корпорация, управление просвещением

Для цитирования: Пустовойт И. С. С. С. Уваров и «ученое сословие» Петербургского университета в 1810-х – начале 1820-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 65–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1147

ВВЕДЕНИЕ

С. С. Уваров в течение десяти лет (1811–1821) был попечителем Санкт-Петербургского учебного округа и внес большой вклад в дело развития российской системы просвещения. За это время им был проведен ряд важных реформ, центральной из них стало открытие Петербургского университета в феврале 1819 года. Уваров соответствовал типу просвещенного администратора, какими были успешные попечители-реформаторы первых лет правления Александра I: М. Н. Муравьев в Московском учебном округе, С. О. Потоцкий в Харьковском, А. Чарторыйский в Виленском, программы действий которых ба-

зировались на просветительских принципах [2: 131].

Мы рассмотрим специфику взаимодействия Уварова с профессорской корпорацией Петербургского университета и его предшественников – Педагогического и Главного педагогического институтов (далее – ПИ и ГПИ), которое отражалось на переустройстве самого ПИ и всей системы училищ округа. Этот вопрос пока не получил развернутой историографической оценки. Исключением можно считать упоминаемый в общих работах по истории просвещения эпизод, связанный с критикой профессорами столичного университета представленного Уваровым проекта Устава университета (1819).

Однако этот вопрос рассматривался вне контекста взаимодействия Уварова с академической корпорацией в лице Совета университета и его деятельности в качестве попечителя учебного округа. Этим можно объяснить весьма спорные заключения о якобы произошедшем в тот момент «конфликте» попечителя с «ученым сословием» университета [4], [5: 14–15].

На материалах журналов Конференции ПИ, ГПИ и Петербургского университета, других документов университетского архива (ЦГИА СПб, ф. 13, 14, 139), министерского делопроизводства (РГИА, ф. 732, 733), некоторых документов, обнаруженных в фонде Уваровых в ОПИ ГИМ (ф. 17), мы проследим характер взаимодействия Уварова с профессорской корпорацией столичного университета.

Прежде всего необходимо отметить, что этому взаимодействию предшествовало и что определяло его институциональные рамки. Уваров оказался в числе высших администраторов просвещения неслучайно. Его назначение на должность попечителя соответствовало его личным амбициям и разносторонним научным интересам, прежде всего к истории и филологии. Впоследствии, уже занимая высокую должность, он продолжал брать частные уроки у известного филолога-классика Ф. Б. Грефе¹, выступил автором более 20 статей по вопросам филологии, истории и философии. Научная деятельность Уварова была оценена производством его в почетные члены около ста отечественных и иностранных научных обществ и академий. Таким образом, Уваров не был чужим в среде ученых-интеллектуалов, как это пытаются представить некоторые исследователи [5: 14–15]. Напротив, его интеллектуальный уровень и представления о приоритетных задачах развития российской науки позволяли ему понимать запросы «ученого сословия» и иногда вступать с ним в серьезные дискуссии.

Близость Уварова к «ученому сословию» выражалась и в том, что он твердо стоял на стороне академических привилегий, дарованных университетским Уставом 1804 года. Его стиль общения с профессурой в лице Конференции ПИ-ГПИ и университета, оставаясь в рамках формального поля, сочетал мягкое кураторство, адресную помощь и одновременно требовательность.

Особенностью столичного учебного округа было отсутствие в нем до 1819 года университета, выполнявшего в других округах функции администрирования училищ низшего уровня, их ревизии, сбора отчетности, поэтому нагрузка на попечителя Санкт-Петербургского округа и его канцелярию была высока [3: 25]. Как по-

печитель Уваров отвечал за выбор и назначение профессоров и преподавателей университета и учителей гимназий на вакантные места.

ХАРАКТЕР КОММУНИКАЦИИ ПОПЕЧИТЕЛЯ С «УЧЕНЫМ СОСЛОВИЕМ»

При назначении Уварова попечителем в 1811 году профессорско-преподавательский штат ПИ состоял всего из 15 человек: «преподавающего эстетику», девяти ординарных профессоров, четырех магистров и одного учителя рисования и черчения². Благодаря последовательным усилиям Уварова по приглашению новых профессоров, в том числе из-за границы, оставлению при институте и вовлечению в преподавание окончивших ПИ студентов, созданию новых вакансий и кафедр профессорская корпорация к моменту открытия Петербургского университета в 1819 года изменилась количественно и качественно, состояла уже из 34 «служителей науки»: 18 профессоров (один заслуженный, 14 ординарных и три экстраординарных), трех адъюнктов, 12 учителей и одного лаборанта³. Некоторые из преподавателей были близки с попечителем, как, например, профессор латинской словесности Ф. Б. Грефе⁴, другие (профессор греческой словесности Я. Я. Баллен де Баллю и профессор немецкой словесности и всеобщей истории Э.-Б. Раупах) были обязаны ему своим определением в столичный ПИ⁵.

Взаимодействие Уварова с академическим сообществом носило конструктивный и партнерский характер, а его отношение к профессорам отличалось доброжелательностью и уважением. В своем представлении министру народного просвещения А. К. Разумовскому 7 марта 1812 года Уваров именовал преподавателей ПИ «истинными сотрудниками»⁶, а в своей торжественной речи 14 февраля 1819 года в честь открытия С.-Петербургского университета заявил, что никогда «не отделял» себя от «ученого сословия» университета, всегда готов делить с ним «труды, заботы и успех»⁷. Эти слова не были демагогией, что подтверждают журналы Конференции университета и его предшественников, страницы которых наполнены регулярным диалогом между «ученым сословием» и попечителем. Почти каждое заседание Конференции начиналось с рассмотрения «предложений» попечителя (его собственных инициатив, а также транслируемых им распоряжений министра) и его ответов на запросы Конференции.

Предметный ряд коммуникации Уварова с Конференцией ПИ / ГПИ / университета иллюстрирует таблица 1, составленная на основе журналов Конференции за 1811–1821 годы⁸.

Необходимо уточнить, что за это время Уваров несколько раз был в длительном отпуске, в это время «предложения», адресованные Конференции, исходили не от него, а от временно исполнявшего его обязанности или же напрямую от министра. В этих случаях распоряжения начальства не противоречили общей стратегии, а нередко были согласованы с Уваровым, поэтому также учитывались при составлении таблицы.

Приведенные данные показывают, что контакты Уварова с «ученым сословием» носили постоянный и многосторонний характер, охватывали широкий круг проблем: от учебных вопросов (изменения расписания, курсов лекций, назначение профессоров и учителей, распределение окончивших студентов на учительские места, отчисление) до простого и формального доведения указов императора или Сената.

Можно заметить, что наибольшая доля обращений Уварова к Конференции за 1811–1821 годы (356 из 981, или 36 %) представляла собой ретрансляцию распоряжений министра. Однако в эту же группу мы включаем и те распоряжения министра, которые лишь утверждали пред-

ложения попечителя, с соответствующими формулировками: «[министр] изъявил согласие на предложение попечителя», «вследствие отношения [попечителя] к министру». Таким образом, Уваров выступал как посредник между «ученым сословием» и министерством, представляя в нужном свете или лоббируя тот или иной проект, исходивший от вышестоящего начальства. В то же время он реагировал на инициативы и проекты, предложенные профессорской корпорацией, которые мог дополнять и корректировать. Подобный стиль взаимодействия попечителя с Конференцией соответствовал нормам учредительных документов 1803–1804 годов – «Предварительных правил народного просвещения» и университетских уставов, согласно которым фигура попечителя символизировала «включенность» университета в систему государственных учреждений России [2: 130].

Журналы 1811–1821 годов позволяют проследить взаимодействие Уварова с Конференцией ПИ / ГПИ / университета в динамике. Таблица 2 отражает количество предложений попечителя, рассмотренных профессорской корпорацией в то или иное время.

Таблица 1. Структура административной коммуникации С. С. Уварова с Конференцией в 1811–1821 годах

Table 1. The structure of Sergey Uvarov's administrative communication with the Conference of Saint Petersburg University (1811–1821)

Год	Учебные вопросы	Ретрансляция распоряжений министра народного просвещения	Хозяйственные вопросы	Надзор	Донесение Высочайших указов или указов Сената	Итого
1811	32	75	17	5	8	137
1812	32	46	23	18	7	126
1813	23	24	15	2	4	68
1814	22	42	18	3	9	94
1815	35	24	13	–	13	85
1816	54	27	29	6	21	137
1817	43	28	7	3	10	91
1818	27	14	5	3	4	53
1819	43	26	9	2	4	84
1820	34	32	8	–	4	78
1821 ⁹	8	18	1	–	1	28
Итого	353	356	145	42	85	981

Таблица 2. Хроника (динамика) взаимодействия С. С. Уварова с Конференцией в 1811–1821 годах

Table 2. The timeline and dynamics of Sergey Uvarov's interaction with the Conference of Saint Petersburg University (1811–1821)

Год /месяц	1811	1812	1813	1814	1815	1816	1817	1818	1819	1820	1821	Итого
Январь	14	9	– ¹⁰	7	7	7	16	5	2	13	7	87
Февраль	– ¹¹	9	4	10	6	9	6	7	2	3	5	61
Март	14	18	7	8	5	16	8	9	16	11	7	119
Апрель	12	15	12	7	5	5	9	7	5	5	6	88
Май	18	18	7	6	9	8	16	8	8	9	3	110
Июнь	11	6	6	8	7	6	2	2	6	4	–	58
Июль	12	14	3	6	10	21	1	2	–	–	–	69
Август	19	16	4	8	4	8	9	3	9	10	–	90
Сентябрь	9	3	7	8	10	17	6	1	9	5	–	75
Октябрь	9	8	7	13	12	15	3	3	9	8	–	87
Ноябрь	8	3	2	4	5	5	4	3	8	7	–	49
Декабрь	11	7	9	9	5	20	11	3	10	3	–	88
Итого	137	126	68	94	85	137	91	53	84	78	28	981

Таким образом, контакты Уварова с Конференцией не были одинаково интенсивными в течение 10,5 лет управления округом: были периоды плотного взаимодействия и времена «затишья», когда попечитель был пассивен и лишь доводил текущие распоряжения высшего начальства. Так, в 1816 году, когда готовилось преобразование ПИ в ГПИ, Уваров был активен: предлагал к обсуждению проекты преобразований, участвовал в обсуждении предложений Конференции, развернуто отвечал на запросы профессоров. Напротив, в 1821 году он в основном ретранслировал распоряжения министра (например, информировал Конференцию об открытии учительских вакансий в училищах округа или за его пределами).

Важно понимать, что плотность взаимодействия Уварова с Конференцией лишь отчасти коррелирует с размахом его собственной реформаторской активности. Интенсивность контактов Уварова с «ученым сословием» зависела и от внешних обстоятельств, определявших объем текущего делопроизводства, например, в 1812 году они были вызваны реализацией плана эвакуации учебных заведений, в том числе ПИ, из Петербурга. Другие распоряжения Уварова являлись ответом на инициативы профессорской корпорации или директоров училищ. Однако в 1817–1819 годах при меньшем суммарном числе обращений к Конференции Уваров провел через нее наиболее серьезные проекты реформ, связанных с реорганизацией ПИ в ГПИ, а последнего – в университет.

Интенсивность взаимодействия с профессорами зависела от годового учебного цикла: была более высокой в период экзаменов и в начале нового учебного года (в январе – феврале), меньшей – в летний период, когда многие профессора, да и сам попечитель отправлялись в отпуска, а студентам объявлялись летние вакации. Осень также была периодом активности в решении учебных и кадровых вопросов. При временном замещении Уварова другим лицом интенсивность контактов с Конференцией уменьшалась. Когда к собранию Конференции, обычно происходившему дважды в месяц, не поступало ни одного «предложения» от Уварова (как это случалось в 1813 и 1818 годах), «ученое сословие», судя по протоколам, ограничивалось обсуждением текущих дел: представлений директора института, ходатайств профессоров, отношений других университетов и учреждений, работы Комитета испытаний гражданских чиновников и т. д.

В отсутствие Уварова управление осуществлялось через исполняющего обязанности попечителя, а иногда и напрямую через министра.

Так, во время трехмесячного отпуска Уварова (с июня по сентябрь 1812 года) Конференция ПИ «о всех, времени не терпящих дела» относилась непосредственно к тогдашнему и. о. министра народного просвещения обер-прокурору Св. Синода А. Н. Голицыну¹². С июня по октябрь 1817 года Уварова замещал попечитель Казанского учебного округа М. А. Салтыков¹³, а летом 1819 года (июль – октябрь) – член ГПУ и непременный секретарь Академии наук Н. И. Фус, прямой подчиненный Уварова по Академии¹⁴. Замещающие попечителя не выступали с инициативами, осуществляя формальные функции. Важнейшие вопросы и вовсе откладывались до возвращения Уварова, а он затем запрашивал у Конференции детальный отчет о решенных в его отсутствие делах.

Немалая доля контактов Уварова с Конференцией посвящалась укреплению материальной и учебно-научной базы университета и совершенствованию преподавания наук. Уваров выступал посредником в пополнении библиотеки (нередко сам приносил книги в дар, в том числе редкие), покупке минералогических и ботанических коллекций, в поиске новых помещений, в приеме воспитанников в обход правил (в середине года), в постановке преподавания классических языков как основы подготовки не только гуманитариев, но и естественников. В частности, при участии Уварова 1 февраля 1812 года Конференцией ПИ по представлению магистра Егора Сферина было закуплено 17 экземпляров греческой грамматики и «греческой книжки», изданной в Москве [М. Т.] Каченовским, для обучения студентов языку¹⁵.

Попечитель также контролировал соблюдение преподающими своих обязанностей, то есть посещение ими занятий. Он регулярно просматривал подаваемые инспектором еженедельные ведомости о состоянии института / университета, на основании которых делал выговоры тем профессорам, кто пропускал лекции без уважительной причины. Порицание коллег от имени начальства возлагалось на ректора. Так, по представлению и. о. попечителя Н. И. Фуса в заседании Конференции 1 сентября 1819 года ректор М. А. Балугянский сделал замечание адъюнкту Д. П. Попову и учителю К. Ф. Радлову за «отлучки» во время лекций, добавив, что «ежели иная служба... препятствует отправлению преподавания, то она и не может быть совместна со службой университетской»¹⁶.

Уваров инициировал внеочередные заседания Конференции, а иногда и посещал их¹⁷. 5 июня 1812 года на чрезвычайном собрании он в торжественной обстановке утвердил Е. А. Энгель-

гардта в должности директора института¹⁸. С учреждением этой должности система администрирования института изменилась, теперь директор выступал в роли посредника между попечителем и Конференцией¹⁹. Фигура директора имела важное значение в системе взаимодействия между «ученым сословием» и высшим начальством. Энгельгардт сотрудничал с Уваровым, при этом понимал нужды института и выражал интересы его профессоров и студентов. Он успешно организовал их эвакуацию в Петрозаводск в 1812–1813 годах, а позже – ремонтные работы в здании института. Его преемник Д. А. Кавелин, наоборот, стремился играть самостоятельную роль, а впоследствии стал союзником Д. П. Рунича в ходе политического процесса над профессорами университета в 1821–1822 годах. Его назначение было просчетом Уварова, знавшего Кавелина по литературному кружку «Арзамас»²⁰ и предложившего в 1816 году министру А. Н. Голицыну его кандидатуру на должность директора ПИ.

22 марта 1818 года по инициативе Уварова состоялось торжественное собрание ГПИ, посвященное открытию кафедр восточных языков. Речь попечителя, произнесенная на этом собрании²¹, стала манифестом официального либерализма и имела большой общественный резонанс. Приглашение из Парижа двух рекомендованных французскими ориенталистами А. И. Сильвестром де-Саси и А.-Л. Шези молодых ученых: Жана-Франсуа Деманжа и Франсуа-Бернара Шармуа, принятых в ГПИ ординарными профессорами арабского и персидского языка, было личным проектом Уварова по реформированию преподавания восточных языков. 14 февраля 1819 года состоялось еще одно чрезвычайное заседание Конференции ГПИ, в ходе которого попечитель публично объявил профессорам о преобразовании ГПИ в университет и провозгласил новый университет будущим научно-культурным центром столицы²².

ДИСКУССИИ С «УЧЕНЫМ СОСЛОВИЕМ» КАК ФОРМА СОТРУДНИЧЕСТВА

Что касается стиля делового общения Уварова с Конференцией, то попечитель выстраивал этот диалог, не ущемляя академическую самостоятельность корпорации, декларированную уставами 1804 года, и редко навязывал Конференции какие-либо перемены управления или собственные проекты. Напротив, он одобрял и оформлял в виде представлений министру почти все предложения Конференции. Конференция, в свою очередь, особенно в первый год управления Уварова, позволяла себе критиковать некото-

рые предложения молодого администратора, который занял эту должность в 24 года, имея за спиной только опыт дипломатической службы²³. Весьма показательны в этом отношении дискуссии, развернувшиеся между Уваровым и Конференцией ПИ в 1811–1813 годах по поводу реорганизации учебного процесса. Они свидетельствуют о том, что попечитель не только допускал критику в свой адрес, но и был готов принять конструктивные поправки от «ученого сословия».

20 января 1811 года Конференция представила Уварову проект расписания часов и преподаваемых предметов. Попечитель не был полностью удовлетворен представленным расписанием и предложил его скорректировать: замечания касались в первую очередь формата занятий. Конференция хотела сохранить общие занятия для всех студентов, Уваров же предложил отделить более успевающих воспитанников от отстающих и, соответственно, организовать первый (верхний, подготовительный) и второй (нижний) классы. В первом классе, как он считал, «надобно преимущественно заниматься науками» (Закон Божий, математическая география, логика, метафизика и этика, общая история, алгебра, естественная история, языки), а во втором – «более заниматься языками» (Закон Божий, арифметика и геометрия, общая география, древняя история, языки)²⁴.

Конференция на заседании 25 января 1811 года подвергла предложение Уварова серьезной критике. Профессорам не были ясны продолжительность подготовительного (первого) класса и его назначение. Если целью первого класса было «уравнивание» учеников для подготовки к слушанию лекций «нижнего» класса, то профессорам казалось странным, что предметы в двух классах различны. Конференция не согласилась с предложением разделить предметы между классами, которое привело бы к чрезмерной нагрузке одних преподавателей и к «праздности» других. Профессорское собрание рекомендовало отредактировать предложенный попечителем план, дабы приспособить его «к выпускам из гимназий»²⁵. Уваров принял доводы Конференции и компромиссное решение: его идея о разделении студентов по уровню подготовки на «классы» была сохранена, но вместо двух в ПИ учреждалось три класса: нижний, средний, верхний в зависимости от уровня подготовки поступающих²⁶.

Возражения Конференции вызвала и попытка Уварова внедрить в ПИ специализацию по отраслям знаний посредством распределения студентов на «разряды» в зависимости от их интересов, следовательно, от будущей специальности.

Эту меру попечитель намеревался осуществить в «верхнем» отделении ПИ, где оканчивали обучение студенты, готовившиеся стать учителями. 5 апреля 1813 года Уваров сделал представление Конференции, предложив разделить высшее отделение ПИ на четыре «разряда». Первый «разряд» должен был быть философско-юридическим (философия, права и эстетика), второй предполагал естественно-научный уклон (физика, химия и минералогия), третий «разряд» был техническим (естественная история, сельское хозяйство и технология), а четвертый – гуманитарным (география, статистика, политическая экономия, коммерция и финансы). Каждый студент высшего отделения ПИ «по склонности» своей должен был выбрать один из четырех разрядов и заниматься входящими в его состав науками, а от слушания лекций по предметам других разрядов освобождался. Общеобязательными предметами для всех «разрядов» оставались только языки: российский, латинский, немецкий и французский²⁷.

Реализовать этот план Уварову удалось не сразу, поскольку Конференция после детального рассмотрения плана дала отрицательное заключение. Профессора нашли «разрядную» систему не соответствующей нормам школьного Устава 1804 года, предполагавшего приобретение выпускниками ПИ «общего знания» во всех предметах гимназического курса, а также приводящей к неравномерной нагрузке на преподавателей. Конференция предложила иную оптимизацию учебного процесса: дать 15 старшим студентам окончить курс наук к 1 июля 1813 года, а на их место набрать учеников гимназий из всех учебных округов, подвергнув их предварительному экзамену²⁸.

Этот план Конференции также не был реализован, и в верхнем отделении ПИ не была утверждена «разрядная» система. Судя по всему, реформа Уварова была отложена и к ней не возвращались вплоть до открытия С.-Петербургского университета, в стенах которого в 1820 года была введена уже внутрифакультетская специализация (два факультета из трех были разделены на «разряды» с целью уменьшения нагрузки на студентов)²⁹.

Наиболее известный в научной литературе пример «конфликта» Уварова с «ученым сословием» столичного университета – критика профессорами представленного попечителем в 1819 году проекта Устава Петербургского университета. После того как этот проект встретил непримиримую критику в Главном правлении училищ [7], было решено передать его на рассмотрение особому комитету в составе ректора М. А. Балугьянского, директора Д. А. Кавели-

на и профессоров В. Г. Кукольника, Д. С. Чижова и А. П. Куницына³⁰. Комитет 16 февраля 1820 года представил свой отзыв на устав из двух частей: общее мнение и частные замечания. Каждая часть включала конструктивные предложения, но по форме напоминала попытку переписать уваровский проект Устава. Заключение комитета профессоров и их замечания создавали впечатление, что проект Уварова не удовлетворил их не только в деталях, но и в целом: организационное устройство нового университета было названо «неясным», жалованье, им положенное, сочтено слишком низким, программа преподавания – слишком жестко определенной³¹.

Профессорские замечания на уваровский проект Устава только усилили сложившееся в ГПУ противодействие ему. Конструктивные же замечания профессоров не нейтрализовали вздорные реплики идеологических оппонентов Уварова в министерстве – архимандрита Филарета, М. Л. Магницкого и Д. П. Рунича. Советские историки склонны были драматизировать это «столкновение» Уварова с «ученым сословием» университета. Е. М. Косачевская трактowała историю с отклонением уваровского проекта Устава как спор «прогрессивной профессуры» с «правительственным чиновником» Уваровым [4: 96–109]. Данное объяснение выглядит на-думанным и ангажированным. Подвергнутый критике проект Устава, опиравшийся на идеи «немецкой модели» университета, которой были присущи широкая внутренняя автономия и ориентация на научные исследования, не мог быть составлен «реакционером» [1: 529–537]. Не вполне корректно и утверждение биографов, что Уваров «не был своим в профессорской среде» [5: 14–15]. Разумеется, попечитель находился от этой среды на определенной социальной и административной дистанции, но он точно не был далек от понимания нужд «ученого сословия».

На наш взгляд, именно длительный опыт совместной работы и тесный контакт Уварова с профессорами на протяжении многих лет объясняет обилие критических замечаний на Устав с их стороны. Приведенные выше материалы журналов Конференции Петербургского университета и его предшественников свидетельствуют, что к моменту обсуждения Устава в 1819–1820 годах профессорское собрание не раз выступало с критикой проектов попечителя. С точки зрения обычной практики взаимодействия Уварова с «ученым сословием» в ходе обсуждения его проекта Устава не случилось ничего экстраординарного. Профессора, как и прежде, детально изучили по поручению ГПУ этот

проект, обратив внимание на его слабые стороны. Другое дело, что ситуация с рассмотрением уваровского проекта Устава вышла за рамки университета и его корпорации. Представленными от профессоров замечаниями умело воспользовались оппоненты Уварова в министерстве, в итоге проект Устава был отклонен, подвергся коренной переработке, но остался невостребованным, а впоследствии даже считался утраченным³². Скорее всего, если бы обсуждение Устава проходило в рамках двустороннего диалога между Уваровым и «ученым сословием», то после необходимой редактуры он был бы утвержден, а сам Петербургский университет не остался бы на много лет без твердого правового и административного статуса.

ПОДДЕРЖКА «УЧЕНОГО СОСЛОВИЯ»

Процедура обсуждения и утверждения проектов реформ в ПИ, ГПИ и С.-Петербургском университете при Уварове, когда профессорская корпорация сама инициировала нововведения или обсуждала их в диалоге с попечителем, иллюстрирует границы реальной академической автономии. Уваров давал возможность Конференции не только предлагать проекты преобразований, но и определять ответственного за исполнение того или иного поручения. Так, 6 апреля 1812 года попечитель предписал Конференции ПИ вести журнал учета посещений профессорами учебных классов, переложив выбор ответственного за это лица «на рассуждение» самой Конференции. Она большинством голосов избрала ответственным профессора В. Г. Кукольника³³.

После преобразования ПИ в ГПИ в 1817 году и создания внутри последнего трех «отделений» (наук философских и юридических, наук физических и математических, наук исторических и словесных³⁴) взаимодействие происходило уже не только между попечителем и Конференцией, но также между Конференцией и отдельными факультетами, между попечителем и отдельными профессорами. Уваров зачастую шел навстречу преподавателям даже в тех решениях, которые на первый взгляд могли показаться для него неприемлемыми. Например, 9 марта 1818 года Уваров поддержал «словесное представление» физико-математического отделения и разрешил студентам окончательного курса этого отделения не слушать лекции профессора Э.-Б. Раупаха по всеобщей истории, которые читались на латинском языке, чтобы студенты могли сконцентрироваться на более важных для них предметах естественно-научного цикла³⁵. Подобное решение было логичным, несмотря на то что история

как наука представлялась Уварову одним из ключевых предметов в обучении³⁶. Он признал доводы Конференции и согласился на уменьшение часов преподавания истории.

Уваров был готов идти на послабления и в отношении латинского языка, хотя рассматривал его как основной язык науки, сердцевину университетского образования³⁷. В заседании Конференции С.-Петербургского университета 3 марта 1819 года рассматривался вопрос об исключении четырех воспитанников – Зверева, Пятницкого, Первухина и Корганова, не прошедших испытания в латинском языке³⁸. В итоге отчисленными из университета оказались все, кроме Пятницкого, который был оставлен Уваровым в университете только «в уважение» неоднократного словесного ходатайства за студента, поданного профессором математики Д. С. Чижовым³⁹.

Помимо взаимодействия с «ученым сословием» в целом, Уваров выстраивал и персональные связи с отдельными профессорами. Он открыто протежировал известного публициста и педагога Э.-Б. Раупаха, который в 1817 году был определен в ГПИ ординарным профессором немецкой словесности, а с начала 1818 года взял на себя и преподавание всеобщей истории. Судя по всему, Уваров планировал привлечь Раупаха к преподаванию еще до преобразования ПИ в ГПИ, о чем свидетельствуют материалы ОПИ ГИМ, а именно отложившееся в фонде Уваровых недатированное представление попечителя о Раупахе министру А. Н. Голицыну. Уваров рассчитывал определить Раупаха на предполагаемую в ГПИ кафедру «новейшей классической словесности», лекции на которой, по мысли попечителя, должны были

«обнимать не только одну теорию литературы, из лучших новейших писателей извлеченную, но и полный практический курс словесности последних трех веков образованных европейских народов, имеющих классических авторов, каковы суть: испанцы, французы, англичане, немцы, итальянцы».

Уваров подчеркивал, что

«для преподавания сих лекций трудно найти человека, способнее Раупаха, который с глубоким знанием древних языков соединяет и редкие сведения в новейшей словесности и сам может стать наряду с лучшими германскими писателями нашего времени. Он имеет редкий дар изъяснять мысли свои и отличную методу преподавания»⁴⁰.

Давая столь высокую оценку Раупаху как преподавателю, Уваров прочил ему серьезную научную карьеру. В связи с отклонением предложения об образовании кафедры «новейшей классической словесности» в ГПИ он намере-

вался определить Раупаха в Академию наук, в «академических актах» которой рассчитывал печатать его сочинения по части эстетики, словесности и философии, причем «не на одном латинском или российском языке, но и на немецком и французском»⁴¹. Судя по тому, что Раупах не стал членом Академии наук, министр отклонил это предложение или же попечитель так и не подал его на рассмотрение. Впоследствии, при образовании С.-Петербургского университета в 1819 году, Уваров был готов утвердить Раупаха первым ректором университета, но потерпел неудачу⁴².

Большое значение Уваров придавал изучению российской словесности, благодаря его настойчивости ею «начинали более чем когда-нибудь прежде заниматься»⁴³. По инициативе Уварова в 1816 году в ГПИ была впервые в России создана кафедра российской словесности (до этого преподавание данной дисциплины было совмещено с преподаванием эстетики). На новую кафедру попечитель пригласил профессора С.-Петербургской духовной семинарии Я. В. Толмачёва, на которого возлагал большие надежды как на универсального преподавателя⁴⁴. К сожалению, эти расчеты не оправдались. Во время известного «дела профессоров» 1821 года Толмачёв встал на сторону Д. П. Рунича, всячески помогая ему, фальсифицировал протоколы, предавая тем самым и Уварова, и всю университетскую корпорацию⁴⁵. Таким образом, не все кадровые решения Уварова оказывались удачными.

Когда прошения о зачислении в штат ПИ или университета подавались напрямую Уварову, он внимательно отбирал претендентов. В январе 1816 года попечитель получил письмо от А. Г. Огинского – педагога, писателя-переводчика, чиновника МНП, который «желал быть полезным в наставлении других» и просил об определении его в ПИ в качестве экстраординарного профессора латинского языка или адъюнкта греческой словесности. Огинскому было отказано⁴⁶. Известно, что впоследствии он выступил автором записи «О способе преподавать историю» и претендовал на профессорскую должность по кафедре всеобщей истории ГПИ, но Уваров вновь отклонил его кандидатуру [6: 167], предпочтя ему Раупаха.

Попечитель не упускал из виду материальную поддержку преподающих, особенно тех, кто оказался в тяжелом положении из-за преклонного возраста или плохого состояния здоровья. Факт личного участия Уварова в персональной помощи профессорам отражается в документах Конференции и попечительской канцелярии по во-

просам увольнений, награждений, назначения пенсий. Примером может служить поддержка Уваровым преподавателя черчения и рисования ПИ М. Берлинского, который с 1815 года ввиду старости стал одержим «болезненными припадками». Высоко оценивая «беспрерывную» 25-летнюю службу Берлинского, Уваров попросил у министра А. К. Разумовского увольнения Берлинского с годовым пенсионом в 700 руб. и с пожалованием следующим чином надворного советника⁴⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные документы позволяют говорить о постоянном диалоге Уварова-администратора и академического сообщества по всем вопросам управления: правовым, экономическим, учебным, вопросам социальной помощи. Этот диалог документирован, хотя, пребывая в Петербурге, попечитель имел возможность и лично посещать университет, принимать у себя в канцелярии профессоров, студентов, других просителей и даже присутствовать на экзаменах студентов и магистрантов⁴⁸. При этом Уваров не оставался только связующим звеном между «ученым сословием» и МНП, что было его основной служебной функцией. Он выступал активным участником коммуникации, нередко предлагая на рассмотрение Конференции собственные проекты, которые проходили конструктивное обсуждение.

Стиль общения Уварова с «ученым сословием» отличался сдержанностью, конкретностью требований, конструктивностью. К профессорам он относился как к «истинным сотрудникам», а в открытом в 1819 году Петербургском университете видел свое «детище» [6: 22]. Вникая во все вопросы внутренней жизни университета (что являлось его прямой обязанностью), он не ограничивал декларированную университетским Уставом 1804 года академическую автономию. Во время его руководства учебным округом профессорская корпорация, в том числе отдельные факультеты / «отделения», имели возможность предлагать свои идеи и планы реформ, а также критически оценивать реформаторские проекты попечителя. Со своей стороны попечитель принимал во внимание возражения профессоров и был готов к корректировке первоначальных проектов в соответствии с их аргументами. Сотрудничество Уварова с профессурой подведомственного университета доказывает его верность положениям либеральных уставов 1803–1804 годов, закрепивших систему университетов как центров учебных округов.

Не меньшее значение Уваров придавал адресной помощи профессорам, что выражалось как в открытом протежировании приглашенных им, так и в финансовой поддержке тех, кто находился в тяжелых жизненных обстоятельствах. Заботы Уварова о «страждущем классе»⁴⁹, как он именовал тех, кто избрал педагогическое поприще, были оценены. В момент своей отставки 3 мая 1821 года Уваров направил письмо Конференции университета, выразив «истинную благодарность за усердное содействие, которое он в тे-

чение десяти лет находил в членах университета». В ответ он получил «таковую же благодарность от имени всей конференции», которая была передана через ректора М. А. Балугьянского⁵⁰. Усилия Уварова по созданию крепкой профессорско-преподавательской корпорации в Петербургском университете и налаживанию в ней атмосферы сотрудничества в интересах развития науки стали залогом устойчивого развития университета, несмотря на кризис в управлении просвещением конца 1810-х – начала 1820-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Уваров С. С. Опыт автобиографии, посвященный моему сыну. 1852 // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 303.
- ² РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 83. Л. 2.
- ³ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / Ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. 551.
- ⁴ Уваров С. С. Опыт автобиографии... С. 303.
- ⁵ Порохов С. И., Чухлый С. А. Воспоминания о Харьковском университете профессора Людвига Якоба // Харківський історіографічний збірник. Вип. 13. Харьків, 2014. С. 231–233.
- ⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 84. Л. 29–30.
- ⁷ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 13–14.
- ⁸ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4216. 304 л.; Д. 4222. 224 л.; Д. 4224. 148 л.; Д. 4225. 193 л.; Д. 4229. 316 л.; Д. 4230. 218 л.; Д. 4232. 233 л.; Ф. 14. Оп. 27. Д. 4. 269 л.
- ⁹ В расчет брался только период с января по май 1821 года. 6 мая 1821 года перед сложением Уваровым своих полномочий состоялось последнее заседание Конференции, рассматривавшее его предложения (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 4. Л. 1–40).
- ¹⁰ В январе 1813 года Уваровым не было сделано ни одного «предложения» Конференции, поскольку ПИ находился в эвакуации в Петрозаводске (ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4224. Л. 1–2).
- ¹¹ В феврале 1811 года в Конференцию не поступило ни одного представления Уварова, что можно объяснить его отсутствием в Петербурге (ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 804. Л. 1).
- ¹² ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1249. Л. 1
- ¹³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1778. Л. 1; Д. 2741. Л. 2.
- ¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2914. Л. 1–3.
- ¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4222. Л. 18–19.
- ¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4232. Л. 76.
- ¹⁷ Согласно журналу Конференции ГПИ за 1817–1818 годы, Уваров присутствовал в заседании Конференции от 1 февраля 1817 года, которое было посвящено разработке расписания для всех учебных курсов ГПИ (ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4230. Л. 25–26).
- ¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4222. Л. 131.
- ¹⁹ С момента учреждения должности директора ПИ Уваров подавал в Конференцию особые представления уже на его имя, которые рассматривались в первую очередь (ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4222. Л. 135, 145, 166; ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4224. Л. 15, 49, 67, 87, 91, 99; ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4225. Л. 105, 129, 139, 155, 177).
- ²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
- ²¹ Уваров С. С. Речь Президента Императорской Академии Наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года // Уваров С. С. Государственные основы / Сост., предисл. и comment. В. Б. Трофимовой; Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. С. 287–317.
- ²² Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 13–14.
- ²³ Плетнев П. А. Памяти графа Сергея Семёновича Уварова, президента Академии наук. СПб., 1855. С. 8.
- ²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 867. Л. 2–4.
- ²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4216. Л. 22–24.
- ²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 11–12;
- ²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1305. Л. 1–2.
- ²⁸ Там же. Л. 8–10.
- ²⁹ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 31–37.

- ³⁰ Рождественский С. В. Первоначальное образование С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / Ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. XXXVI.
- ³¹ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 115–130.
- ³² Рождественский С. В. Первоначальное образование... С. XXX.
- ³³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4222. Л. 69–70.
- ³⁴ Сборник постановлений по МНП... Т. I. СПб., 1875. Стб. 921.
- ³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1838. Л. 1–3.
- ³⁶ Уваров С. С. Речь Президента Императорской Академии Наук... С. 288.
- ³⁷ Рождественский С. В. Первоначальное образование... С. XXIII–XXIV
- ³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2877. Л. 1–2.
- ³⁹ Там же. Л. 15–17;
- ⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 154.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 16–21.
- ⁴³ Шмид Г. К. История средних учебных заведений в России. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1878. С. 89.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 169. Л. 1–4.
- ⁴⁵ Устяров Н. Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 609; Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. С. 294–295.
- ⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 163. Л. 1–16.
- ⁴⁸ Уваров принимал участие в экзамене воспитанников, а также в процедуре сдачи экзаменов и защит диссертаций на получение степеней магистра и адъюнкта. Например, 4 июня 1817 года он присутствовал в заседании Комитета испытаний историко-словесного отделения ГПИ, в котором магистр Д. П. Попов экзаменовался на степень адъюнкта древней словесности (ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4230. Л. 73).
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 24.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 383. Л. 113–115.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
2. Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I: Учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 222 с.
3. Калинина Е. А. Школы Олонецкой губернии первой половины XIX в.: исторические очерки и документы. СПб: Дмитрий Буланин, 2015. 502 с.
4. Косачевская Е. М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. 271 с.
5. Парсамов В. С., Удалов С. В. Сергей Семенович Уваров // Уваров С. С. Избранные труды / Сост., вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамова, С. В. Удалова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–54.
6. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: В 4 кн. Кн. 2, ч. 3: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М.: Гос. истор. музей, 1998. 388 с.
7. Пустовойт И. С., Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и его нереализованный проект устава Санкт-Петербургского университета 1819 года // Труды Кольского научного центра. Гуманитарная серия. 2021. Т. 12, № 1 (20). С. 81–103.

Поступила в редакцию 09.12.2024; принята к публикации 27.01.2025

Original article

Ivan S. Pustovoit, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
botanpustovoit@gmail.com

COUNT SERGEY UVAROV AND THE “SCHOLARLY CLASS” OF SAINT PETERSBURG UNIVERSITY IN THE 1810s AND THE EARLY 1820s

A b s t r a c t. The period of Sergey Semyonovich Uvarov's tenure as the curator of the Saint Petersburg educational district from 1811 to 1821 has not yet received significant attention from scholars. However, it was during this period of Uvarov's governmental activity that he developed his socio-political perspectives and a set of administrative practices

that were consistent with the image of the “enlightened bureaucrat”. Based on the materials from departmental and university records, in particular the journals of the Conference of Saint Petersburg University and its predecessors, Petersburg Pedagogical Institute and Main Pedagogical Institute, this article examines one area of Uvarov’s activity – his interaction with the faculty of the capital university. It was established that, in accordance with his duties as a curator, Uvarov maintained constant communication with the academic community (the “scholarly class”). His relationship with the faculty was established within the formal framework and covered a wide range of issues, including the design of the educational process at the institution, admission and placement of students, departmental changes, and implementation of decrees from the Emperor or the Senate. Uvarov firmly advocated the academic privileges granted by the statutes of 1804, his style of communication with the professorial staff was distinguished by mutual respect and constructiveness, while the “scholarly class” enjoyed true academic autonomy: the scholars initiated their own transformation projects and even criticized the proposals of the curator. In addition to interacting with the academic community at Saint Petersburg University, Uvarov provided personal assistance to professors. His efforts to create a cooperative atmosphere at the university, with the goal of promoting the development of science, became a key factor in the university’s sustainable development, despite the challenges presented by the crisis in education management in the late 1810s and the early 1820s.

К e y w o r d s : Sergey Uvarov, curator of Saint Petersburg educational district, Saint Petersburg University, professorial corporation, education management

For citation: Pustovoit, I. S. Count Sergey Uvarov and the “scholarly class” of Saint Petersburg University in the 1810s and the early 1820s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):65–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1147

REFERENCES

1. A n d r e e v , A . Y u . Russian universities of the XVIII and the first half of the XIX century in the context of the university history of Europe. Moscow, 2009. 640 p. (In Russ.)
2. Z h u k o v s k a y a , T . N . Government and society under Alexander I: Textbook for a special course. Petrozavodsk, 2002. 222 p. (In Russ.)
3. K a l i n i n a , E . A . Schools of the Olonets Province in the first half of the XIX century: historical essays and documents. St. Petersburg, 2015. 502 p. (In Russ.)
4. K o s a c h e v s k a y a , E . M . Mikhail Andreevich Balugiansky and Saint Petersburg University in the first quarter of the XIX century. Leningrad, 1971. 271 p. (In Russ.)
5. P a r s a m o v , V . S . , U d a l o v , S . V . Sergey Semyonovich Uvarov. *Uvarov, S. S. Selected works.* (V. S. Par samov, S. V. Udalov, Eds.). Moscow, 2010. P. 5–54. (In Russ.)
6. P e t r o v , F . A . Russian universities in the first half of the XIX century. Formation of the university education system: In 4 books. Book 2, Part 3: The formation of the university education system in Russia during the first decades of the XIX century. Moscow, 1998. 388 p. (In Russ.)
7. P u s t o v o i t , I . S . , Z h u k o v s k a y a , T . N . S. S. Uvarov and his unrealized draft of the charter of St. Petersburg University (1819). *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies*. 2021;12(1(20)):81–103. (In Russ.)

Received: 9 December 2024; accepted: 27 January 2025